

**ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА ТЕОДОРА ФОНТАНЕ
“EFFI BRIEST”:** ПСЕВДОГОТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ

*Чувашский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье исследуются жанровые особенности супружеского романа Теодора Фонтане “*Effi Briest*”. Роман, жанр которого определяется как поэтический реализм, изобилует псевдоготическими элементами. Их вычленение, установление значимости межжанровых вкраплений обуславливает актуальность исследуемой проблемы. В результате применения метода лингвистического анализа текста в работе были выделены и описаны признаки готического романа, актуализированные писателем в виде клишированных амплуа героев – злодей и юная жертва, клишированных мотивов – путешествия, мотив экзотики, мотивы сна и сновидений, в виде типичных топологических маркеров – проклятое место и в каноническом стержне романа – преступлении или исчезновении какого-либо героя в прошлом. Элементы готического романа переоцениваются в дальнейшем повествовании, они последовательно нейтрализуются главными героями, при этом выявляются дополнительные личностные характеристики главных персонажей, например, «мистицизм» барона Инштеттена, его страсть воспитывать окружающих, в том числе методом запугивания. Нивелирование и изымание из повествования готических элементов, действия героев вопреки готическим канонам, например, желание Эффи вернуть «счастливые дни в доме с привидениями» или примирение, пусть и через посредников, «злодея» и «жертвы», способствуют выделению признаков жанра «поэтический реализм», подчеркивают критическую оценку Т. Фонтане Прусской Германии, противопоставление гуманистического начала прогрессу, власти и культуре.

Ключевые слова: *жанр, признаки жанра, готический роман, реализм, роман «Эффи Брист»*

М. G. Alekseeva

**THEODOR FONTANE’S NOVEL “EFFI BRIEST”:
PSEUDO-GOTHIC FEATURES**

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Abstract. This article explores the genre features of Theodor Fontane’s marital novel “*Effi Briest*”. The novel, the genre of which is defined as poetic realism, is replete with pseudo-gothic elements. The identification of those elements and ascertainment of the significance of inter-genre inclusions make the problem

under research relevant. The method of linguistic analysis of the text made it possible to identify and describe the features of the Gothic novel actualized by the writer in the form of clichéd characters (the villain and the young victim), clichéd motives (travel, exotic motive, motives of sleep and dreams), typical topological markers (cursed place), and the canonical core of the novel (the crime or disappearance of a character in the past). The elements of the Gothic novel are reevaluated in the further narrative, they are consistently neutralized by the main characters, while revealing additional personal characteristics of the main characters, such as ‘mysticism’ of Baron Instetten, his passion to educate others, even employing intimidation. Neutralization and removal of Gothic elements from the narrative, the actions of the characters contrary to Gothic canons, such as Effie’s desire to return ‘happy days in a haunted house’ or the reconciliation, even through intermediaries, of ‘villain’ and ‘victim’, contribute to the identification of signs of the genre ‘poetic realism’, emphasize T. Fontane’s critical assessment of Prussian Germany, the opposition of the humanist principle to progress, power and culture.

Keywords: *genre, genre features, Gothic novel, realism, “Effi Briest” novel*

Введение. Роман “*Effi Briest*” немецкого писателя и журналиста Теодора Фонтане (1819–1898) относится к так называемым «супружеским романам» (*Eheroman*), анализирующим такие понятия, как долг и чувство, верность и измена, расчет и любовь. Героиня Фонтане Эффи Брист – наряду с «Мадам Бовари» и «Анной Карениной» – является одним из знаковых женских образов мировой литературы [18, s. 214, 468]. Роман “*Effi Briest*” вскрывает общественные условности Германии времен Бисмарка, критикует феодальные представления о чести, зависимое положение женщины в обществе и семье [19, s. 8–18]. «Человеческое» противопоставляется в этом художественном произведении прогрессу и власти [16, s. 297].

Жанр, в котором создан роман-наследие Теодора Фонтане, литературоведы определяют как «поэтический реализм» [19, s. 8–18], [3, с. 548–549]. Категория жанра является ключевой категорией исторической и теоретической поэтики. Такие ученые, как П. Н. Медведев, Д. С. Лихачев, М. М. Бахтин, Г. Н. Пospelов, В. В. Кожин, В. Е. Хализев, уделяли особое внимание разработке основных вопросов категории «жанр», систематизации жанров, их классификации, жанровым структурам и канонам. М. В. Заваркина подробно анализирует в своем исследовании вклад этих ученых в разработку концепции «жанр», описывает разные подходы к изучению этой категории – генетический, функциональный, системный, топологический. Автор статьи подчеркивает и то обстоятельство, что В. Б. Шкловский, М. М. Бахтин и Д. С. Лихачев указывают на важность адресата в сложной коммуникативной цепочке «автор – герой – читатель» [4, с. 15–17]. В. Б. Шкловский определяет жанр, например, как некий договор между автором и читателем, конвенцию о значении и согласовании сигналов, способ восприятия структуры произведения [15, с. 220]. В. Е. Хализев подчеркивает, что жанр выступает в функции посредника между писателем и читателем [14, с. 158]. Опираясь на положения этих лингвистов, автор статьи предпринимает попытку определения жанровой принадлежности романа “*Effi Briest*”, анализа межжанровых вкраплений в текст романа.

Актуальность исследуемой проблемы. В лингвистических трудах часто поднимается вопрос о смешении (диффузии, гибридизации, «борьбе») жанров, исследуются положительные и отрицательные последствия такого смешения. Так, М. В. Маркова описывает сосуществование разных жанровых моделей в одном из современных художественных произведений и приходит к выводу о том, что межжанровое смешение не всегда приводит к созданию экспериментального пограничного произведения, обуславливает, скорее, размытие жанровой специфики и разрушение сюжетной структуры произведения [8, с. 276].

Однако существуют и многочисленные продуктивные сочетания жанров, примеры развития одних жанров из других с сохранением своеобразных «архипризнаков» первичного

жанра. Например, детектив считается производным от готического романа жанром, своеобразным антидотом против хаоса и мистицизма, сохраняющим, однако, признаки «таинственного». Приемы актуализации «таинственного» в шпионском детективе раскрывает, например, М. А. Родина [10]. Г. А. Завьялова прослеживает взаимодействие в классическом английском детективе межжанровых связей – детективного романа, готического романа и жанра детской читалочки [5].

С нашей точки зрения, роман *“Effi Briest”* также обнаруживает межжанровые признаки. Гипотеза исследования заключается в том, что писатель сознательно вводит элементы «готического романа» в ткань повествования, затем нейтрализует и изымает их, тем самым делает признаки жанра «поэтический реализм» более яркими, выпуклыми. Необходимость глубокого анализа межжанровых взаимосвязей, вызванных влиянием исторических факторов, установление «инородных» жанровых элементов, исследование причины их появления в сюжете романа и последующая их нейтрализация обуславливают актуальность исследуемой проблемы.

Цель исследования заключается в выделении псевдоготических признаков в романе *“Effi Briest”* и в подробном описании их значимости в художественном тексте.

Материал и методы исследования. Материалом данного исследования, составляющим эмпирическую основу, послужили контекстуальные блоки романа Т. Фонтане *“Effi Briest”*, отобранные методом сплошной выборки.

В работе использованы теоретические и практические методы исследования, включающие анализ теоретических источников, метод сплошной выборки, лингвистический анализ контекстуальных блоков романа, метод литературоведческого анализа текста.

Результаты исследования и их обсуждение. Т. Фонтане работал над итоговым произведением своей жизни с 1890 по 1894 год, в период поздней Викторианской эпохи.

Викторианская эпоха (1837–1901) по праву считается золотым веком мистики и жутких рассказов о призраках [12], ее влияние на творчество писателей того времени трудно переоценить. Именно в этот период выкристаллизовывается такой литературный жанр, как готический роман [1], [7], [11]. Т. Фонтане, известный критик и писатель, был не чужд новым направлениям своего времени и использовал готические каноны в своем творчестве.

Готический роман как особый жанр проявляет целый ряд устойчивых признаков, клишированных ситуаций, топологических маркеров и мотивов. Рассмотрим подробнее, как каждый из признаков используется Т. Фонтане в анализируемом художественном произведении. Один из значимых признаков – это, конечно, наличие чего-то сверхъестественного (у некоторых авторов – возвышенного), призрачного и неясного [2], [5], [6], [9]. Главная героиня романа Эффи, выйдя замуж за бывшего поклонника своей матери барона фон Инштеттен, уезжает в далекий северный город Кессин после короткого свадебного путешествия. Ландшафтные описания путешествия в Кессин предваряют появление сверхъестественного в жизни Эффи: призрачный медно-красный диск луны, болота и вода [17, с. 56]. Мотив путешествия из родной страны в далекую, перемещение героев из привычного мира в чужой, а также мотив экзотики являются по А. А. Поляковой условием возникновения в готическом романе связи между живым и неживым / призрачным [9, с. 214].

Сам город Кессин представляет собой причудливую смесь наций и даже рас, здесь живут и добропорядочные бюргеры, и коренное кашубское население, и пришлые люди вроде капитана Томсена с его слугой-китайцем, аптекаря-итальянца Гизгюблера с управляющим Мирабо (еще один пример экзотики, тезка Мирабо – печально известный главарь шайки разбойников в Африке) [17, с. 52–54, 99–100].

По прибытии в Кессин Эффи поселяется в старомодном доме своего супруга-ландрата. Именно пребывание героя (в готическом романе, придерживающемся клишированности амплу персонажей, это, как правило, добродетельная героиня, страдающая от действий злодея)

в определенном проклятом месте является стержнем сюжета. Здесь и происходит встреча реального и сверхъестественного [5, с. 109], [2, с. 197]. Фонтане подробнейшим образом описывает месторасположение дома, его пространственную организацию, убранство комнат первого этажа: *Aber noch viel, viel Anderes und zum Teil **Sonderbares** kam zu dem allen hinzu. ...an dem vordersten hing ein Schiff mit vollen Segeln, hohem Hinterdeck und Kanonenluken, während weiter hin ein riesiger Fisch in der Luft zu schwimmen schien. ... "Was ist das, Geert?" fragte sie. "Das ist ein Haifisch." "Und ganz dahinten das, was aussieht wie eine große Zigarre vor einem Tabakladen?" "Das ist ein junges Krokodil"* [17, с. 59].

Обстановка второго этажа, с которой Эффи под руководством барона знакомится после первого ночного кошмара, ничем не примечательна, кроме, пожалуй, картинки на стуле, вырезанной из детского букваря. На картинке изображен китаец, который вызывает живейший интерес барона: *Effi fand es auch und war nur verwundert, dass Innstetten alles so ernsthaft nahm, als ob es doch etwas sei* [17, с. 73]. В первую же ночь в Кессине Эффи встречается с призраком – ей чудятся шорохи длинного шлейфа по полу, которые, как объясняет наутро служанка, всего лишь колыхание гардин на сквозняке [17, с. 63–64, 69]. Барон сначала многозначительно отмалчивается, затем предполагает, что в старом доме завелись жуки-точильщики или хорьки. Но укоротить гардины, однако, не позволяет [17, с. 70]. Примечательно, что встречи с призраком юной, часто страдающей от одиночества Эффи, (кстати, эти две характеристики также входят в амплуа готической героини [2]), происходят во сне. Мотив сна является одним из стержневых в готическом романе. Так, О. В. Федунина рассматривает ряд структурных особенностей и функций снов в двух типах готического романа – сентиментального и френетического. В своем исследовании лингвист определяет границы изображенных в романе снов, а также долю участия сновидений в создании картины мира персонажей [13]. Мотивы сна и видения поддерживают колебания между реальным и сверхъестественным [9, с. 215], музыка же служит инструментом, способным спровоцировать встречу призрака с человеком: *Nichts, als was ich dir eben gesagt habe. Wohl eine Stunde lang, als ich in der Nacht aufwachte, war es mir, als ob ich Schuhe auf der Erde schleifen hörte und als würde getanzt und fast auch wie Musik. Aber alles ganz leise* [17, с. 69].

Вторая встреча с призраком китайца происходит в отсутствие барона. Эффи сначала неудачно выбирает для чтения на ночь старинный справочник-путеводитель, откуда случайно узнает о портрете так называемой «белой дамы», знаменитого призрака из хроники Гогенцоллернов [17, с. 85], а затем, погрузившись в крепкий сон, Эффи внезапно просыпается и замечает нечто, проشمыгнувшее мимо нее. В реальности произошедшего Эффи убеждает и громкий лай встревоженного Ролло, верного пса, ночующего у порога спальни своей госпожи [17, с. 91–92]. Отметим здесь, что Т. Фонтане вводит в повествование портрет знаменитого привидения неслучайно: старинные портреты напоминают живым об ушедших поколениях, являются проводниками между двумя мирами [9, с. 213].

В классическом готическом романе сюжет строится вокруг загадочного преступления или исчезновения кого-либо в прошлом [5, с. 109]. Писатель и здесь следует готическим канонам, в романе представлены исчезновение и смерть, вызывающая сомнения в ее естественности. Барон Инштеттен сам рассказывает Эффи историю о загадочном исчезновении племянницы капитана Томсена Нины в день ее свадьбы и историю не менее загадочной скоропостижной смерти слуги-китайца. К ужасу Эффи выясняется, что дом ландрата принадлежал раньше капитану Томсену [17, с. 103–105]. Итак, анализируемое художественное произведение обнаруживает основные признаки готического романа [1], [7], [11].

Затем Т. Фонтане последовательно нейтрализует элементы готического жанра в тексте художественного произведения. Во-первых, «неверный» с точки зрения жанровой принадлежности ход делает сам барон Инштеттен: своей реакцией на кошмары юной супруги барон совсем не подходит для амплуа «избавителя», об этом прямо говорит и разочарованная

Эффи. Вопреки ее ожиданиям, Инштеттен вовсе не собирается продавать проклятый дом. Барон впадает в противоречия, аргументы его слабы – то он опасается осуждения со стороны кессинцев, то он признает существование потусторонних сил и высмеивает страхи Эффи. Более того, считает наличие призрака в доме привилегией, взывая к честолюбию Эффи [17, с. 96–98]. Только преданные существа – пес Ролло и новая служанка Розвита, нанятая Эффи незадолго перед родами, – помогают ей бороться со страхами. Примечательно, что не последнюю роль в найме Розвиты сыграли профессиональные воззрения служанки, ее католическая вера кажется юной Эффи более надежным щитом против привидений [17, с. 143–144].

Во-вторых, окончательное развенчивание призрака и одновременно «разоблачение» Инштеттена происходит с назначением майора Крампаса, бывшего сослуживца Инштеттена, в город Кессин. Во время уединенной прогулки с Эффи Крампас рассуждает об особенностях характера барона, раскрывает тягу последнего к мистицизму, вернее, желание барона внушить другим мистические представления. Барон вовсе не духовидец, но его страсть – рассказывать истории с привидениями. Цели, которые Инштеттен при этом преследует, – привлечь к себе внимание, в том числе и для исполнения карьерных замыслов, выделиться своей экстраординарностью и, самое неожиданное для Эффи, воспитывать окружающих. Ведь барон, по словам Крампаса, «прирожденный педагог» [17, с. 164–167]. Сознательное запугивание – это гарантия, с точки зрения барона, верности молодой жены: “*Also Spuk aus Berechnung, Spuk, um dich in Ordnung zu halten*”. [17, с. 169]. Последующая за этим разоблачением супружеская неверность Эффи, возможно, является реакцией на воспитательные методы барона, ее внутренним протестом, желанием вырваться из золотой клетки [17, с. 214].

С повышением по службе, которое заслуженно получает барон, и переездом всей семьи в Берлин Эффи снова «начинает свободно дышать» [17, с. 231–232]. Эффи покидает Кессин и обманом остается в Берлине на более долгий, чем оговаривалось, срок, подыскивая дом, в котором нет «ни акулы, ни крокодила, ни привидения» [17, с. 258]. Но и в светском Берлине Эффи настигают призраки прошлого: сначала это невинное замечание Инштеттена о том, что служанка Иоганна отклеила изображение китайца и хранит его в своем кошельке [17, с. 264]; затем это неудачное путешествие супружеской четы на курортный остров Рюген, где путешественники обнаруживают деревушку с роковым названием Крампас (имя любовника Эффи), а также озеро Герты с жертвенными камнями и желобками на них для стока крови [17, с. 267–268]. Благодаря благополучной размеренной жизни в Берлине приступы страха Эффи, ужас обманувшей жены постепенно исчезают. Эффи обласкана любовью окружающих, отмечена вниманием императрицы, все бывшее рассеялось, как сон [17, с. 282–283]. Но прошлое не оставляет Эффи. Спустя семь лет после переезда барон случайно обнаруживает переписку Эффи с Крампасом. Зачем Эффи сохранила это неопровержимое доказательство своей вины, неясно даже самой изменнице. Инштеттен незамедлительно начинает бракоразводный процесс, отлучает Эффи от дома и от ребенка, вызывает Крампаса на дуэль и убивает его. При этом Инштеттен отдает себе отчет в том, что его представление о чести – это своего рода культ, дань идолопоклонству, всего лишь спектакль в угоду предрассудкам [17, с. 302–308].

В классическом готическом романе юная жертва никогда не жалеет о прошедшем, не желает больше встреч с призраком. В романе Т. Фонтане все иначе – Эффи, страдающая от полной изоляции, ведущая жизнь изгоя, вспоминает «счастливые дни в Кессине»: *Ach, Spuk ist lang nicht das Schlimmste!* [17, с. 334]. Действительность оказывается во сто крат хуже: дочь Анни становится послушной марионеткой, не смеющей выразить ни одного желания без разрешения отца-«дрессировщика», от нервных потрясений Эффи заболевает быстротечной чахоткой. Эффи признает свою вину, но добродетель Инштеттена для нее невыносима, от нее «ей худо вдвойне» [17, с. 350–351].

В финале романа барон критикует понятия чести и культуры в современном ему обществе, мечтает о жизни дикарей, которым «чужд этот вздор» [17, с. 367]. Эффи, доживая свои последние дни в родительском доме, окруженная запоздалой любовью, прощает своего несчастливого супруга, парадоксальным образом признавая его правоту во всем, жалея человека, у которого нет «настоящей любви» [17, с. 375].

Выводы. Как показал комплексный анализ романа Т. Фонтане *“Effi Briest”*, его жанровая принадлежность не вызывает сомнений – роман написан в жанре «поэтического реализма». Писатель критикует здесь двойную мораль, культ чести, положение женщины в семье и обществе в Германии конца XIX века. Псевдоготические элементы, введенные писателем в повествование, их последующая нейтрализация, нивелирование их значимости подчеркивают реалистические черты романа-наследия Т. Фонтане.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс] // Словари онлайн. – 2010–2021. – URL: <https://rus-literary-criticism.slovaronline.com/> (дата обращения : 01.09.2021).
2. Буденец Ю. Б., Потанина А. В. Рецепция категории возвышенного в английской и немецкой литературе // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – Вып. 21. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2013. – С. 196–200.
3. Дмитриева Е. Е., Маркина А. В., Павлова Н. С. История немецкой литературы: новое и новейшее время. – М. : РГГУ, 2014. – 828 с.
4. Заваркина М. В. Жанр как категория поэтики (проблемы, тенденции, перспективы) // Проблемы исторической поэтики. – 2020. – Т. 18, № 1. – С. 7–35.
5. Завьялова Г. А. Межжанровые связи в классическом английском детективе (на материале романа А. Кристи «Ten Little Niggers») // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 3. – С. 109–113.
6. Клейменова В. Ю. Биологическое правдоподобие сказочных персонажей как порождение синкретичного вымысла // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – Вып. 34. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2016. – С. 264–272.
7. Краткая литературная энциклопедия : в 6 т. Т. 2 : Гаврилюк – Зюльфигар Ширвани / гл. ред. А. А. Сурков. – М. : Сов. энцикл., 1962. – С. 125.
8. Маркова М. В. Жанровая «машина различий»: парадоксы сочетания стимпанка, сказки и фэнтези в пересказе «Рапунцель» // Шаги / Steps. – 2020. – Т. 6, № 3. – С. 269–277.
9. Полякова А. А. Комплекс мотивов готического романа в сюжетной структуре русской повести // Новый филологический Вестник. – 2006. – № 2 (3). – С. 211–215.
10. Родина М. А. Способы моделирования таинственного в романах The Ministry of fear Г. Грина и The heat of the day Э. Боуэн // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 440. – С. 24–28.
11. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс] // Slovar.cc : Словари, энциклопедии и справочники. – 2010–2021. – URL: <https://slovar.cc/lit/term.html> (дата обращения : 31.08.2021).
12. Тимофеева А. А. Лингвистические средства выражения понятия «сверхъестественное» (на материале произведений британских авторов викторианской эпохи) // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – Вып. 40. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2018. – С. 365–372.
13. Федунина О. В. Поэтика сна и картина мира в готическом романе («Удольфские тайны» А. Радклиф и «Монах» М. Г. Льюиса) // Новый филологический Вестник. – 2007. – № 1 (4). – С. 105–117.
14. Хализев В. Е. Теория литературы : учеб. для студентов вузов. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М. : Высш. шк., 2004. – 405 с.
15. Шкловский В. Б. Кончился ли роман // Иностранная литература. – 1967. – № 8. – С. 218–231.
16. Deutsche Literaturgeschichte. Von Anfängen bis zur Gegenwart. Hrsg. von W. Beutin, K. Ehlert, W. Emmerich, Ch. Kanz u.a., die 7., erweit. Aufl. – Stuttgart, Weimar : J. B. Metzler Verlag, 2008. – 761 s.
17. Fontane T. Effi Briest : книга для чтения на немецком языке. – СПб. : Антология : КАРО, 2005. – 384 с.
18. Schnell R. Geschichte der deutschsprachigen Literatur seit 1945 / Ralf Schnell. 2. überarb. und erweit. Aufl. – Stuttgart ; Weimar : Verlag J. B. Metzler, 2003. – 628 S.
19. Uhlmann A. M. Theodor Fontane: Sein Leben in Bildern. – Leipzig : VEB Verlag Enzyklopädie, 1961. – 120 s.

Статья поступила в редакцию 07.09.2021

REFERENCES

1. Belokurova S. P. Slovar' literaturovedcheskih terminov [Elektronnyj resurs] // Slovari onlajn. – 2010–2021. – URL: <https://rus-literary-criticism.slovaronline.com/> (data obrashcheniya : 01.09.2021).
2. Budenec Yu. B., Potanina A. V. Recepciya kategorii vozvyshehnogo v anglijskoj i nemeckoj literature // Inostrannye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty. – Vyp. 21. – Tver' : Tver. gos. un-t, 2013. – S. 196–200.
3. Dmitrieva E. E., Markina A. V., Pavlova N. S. Istoriya nemeckoj literatury: novoe i novejshee vremya. – M. : RGGU, 2014. – 828 s.
4. Zavarkina M. V. Zhanr kak kategoriya poetiki (problemy, tendencii, perspektivy) // Problemy istoricheskoy poetiki. – 2020. – T. 18, № 1. – S. 7–35.
5. Zav'yalova G. A. Mezhdzhanrovye svyazi v klassicheskom anglijskom detektive (na materiale romana A. Kristi «Ten Little Niggers») // Sibirskij filologicheskij zhurnal. – 2010. – № 3. – S. 109–113.
6. Klejmenova V. Yu. Biologicheskoe pravdopodobie skazochnyh personazhej kak porozhdenie sinkretichnogo vymysla // Inostrannye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty. – Vyp. 34. – Tver' : Tver. gos. un-t, 2016. – S. 264–272.
7. Kratkaya literaturnaya enciklopediya : v 6 t. T. 2 : Gavriilyuk – Zyl'figar Shirvani / gl. red. A. A. Surkov. – M. : Sov. encikl., 1962. – S. 125.
8. Markova M. V. Zhanrovaya «mashina razlichij»: paradoksy sochetaniya stimpanka, skazki i fentezi v pereskazke «Rapunzel» // Shagi / Steps. – 2020. – T. 6, № 3. – S. 269–277.
9. Polyakova A. A. Kompleks motivov goticheskogo romana v syuzhetnoj strukture russkoj povesti // Novyj filologicheskij Vestnik. – 2006. – № 2 (3). – S. 211–215.
10. Rodina M. A. Sposoby modelirovaniya tainstvennogo v romanah The Ministry of fear G. Grina i The heat of the day E. Bouen // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 440. – S. 24–28.
11. Slovar' literaturovedcheskih terminov [Elektronnyj resurs] // Slovar.cc : Slovari, enciklopedii i spravochniki. – 2010–2021. – URL: <https://slovar.cc/lit/term.html> (data obrashcheniya : 31.08.2021).
12. Timofeeva A. A. Lingvisticheskie sredstva vyrazheniya ponyatiya «sverh'estestvennoe» (na materiale proizvedenij britanskij avtorov viktorianskoj epohi) // Inostrannye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty. – Vyp. 40. – Tver' : Tver. gos. un-t, 2018. – S. 365–372.
13. Fedunina O. V. Poetika sna i kartina mira v goticheskom romane («Udol'fskie tajny» A. Radklif i «Monah» M. G. L'yuisa) // Novyj filologicheskij Vestnik. – 2007. – № 1 (4). – S. 105–117.
14. Halizev V. E. Teoriya literatury : ucheb. dlya studentov vuzov. – Izd. 4-e, ispr. i dop. – M. : Vyssh. shk., 2004. – 405 s.
15. Shklovskij V. B. Konchilsya li roman // Inostrannaya literatura. – 1967. – № 8. – S. 218–231.
16. Deutsche Literaturgeschichte. Von Anfängen bis zur Gegenwart. Hrsg. von W. Beutin, K. Ehlert, W. Emmerich, Ch. Kanz u.a., die 7., erweiter. Aufl. – Stuttgart, Weimar : J. B. Metzler Verlag, 2008. – 761 s.
17. Fontane T. Effi Briest : kniga dlya chteniya na nemeckom yazyke. – SPb. : Antologiya : KARO, 2005. – 384 s.
18. Schnell R. Geschichte der deutschsprachigen Literatur seit 1945 / Ralf Schnell. 2. überarb. und erweiter. Aufl. – Stuttgart ; Weimar : Verlag I. B. Metzler, 2003. – 628 S.
19. Uhlmann A. M. Theodor Fontane: Sein Leben in Bildern. – Leipzig : VEB Verlag Enzyklopädie, 1961. – 120 s.

The article was contributed on September 7, 2021

Сведения об авторе

Алексеева Марина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-2626-1087>, margennal@yandex.ru

Author information

Alekseeva, Marina Gennadyevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-2626-1087>, margennal@yandex.ru